

Гармонист из Сухой Ольшанки

У пулеметчика Ивана Погребного миной оторвало кисть правой руки. До войны он был лучшим гармонистом во всей округе. Под его двухрядку плясала не только его родная деревня Сухая Ольшанка. Плясали и пели все окрестные села: Протожное, Огибное, Коншино. Бывало Иван заставлял своей гармошкой пу- скаться в пляс даже стариков и старух. Растягивая двухрядку, он не глядел на людей самодовольно, не откидывая назад голову с намастленным чубом, как это обычно бывает у деревенских гармонистов. Напротив, он, смущенный всеобщим вниманием, по-детски стыдливо улыбался и глядел в землю...

И вот после долгой разлуки Иван вернулся в Сухую Ольшанку. День был по-весеннему теплый, приветливый.

Шел Иван и видел ту же улицу, ту же хату, сарай. Только тишина, какая-то тягостная непонятная тишина, которой он раньше не замечал, сейчас заставляла его настораживаться. Ему казалось, что все от малого до старого, увидев его еще издали, притихли, притаились и чего-то ждут. Быть может, ждут, что он, как бывало, растянет двухрядку и влетит в эту грустную тишину веселые звонкие переборки...

Старая Феона Михайловна встретила сына у осыпавшейся за годы войны завалинки. Когда она, теряя на ходу силы и голос, бросилась к сыну с радостными причитаниями, он обнял ее и поцеловал.

— Сыночек мой, Ванюша, — сквозь слезы рассматривала мать сына. — Живехонек пришел, соколик ты мой... Только я, старая, гармошку твою не берегла. И заголосила, припадая поседевшей головой к сыновней груди.

При одном упоминании о двухрядке Иван почувствовал тупую боль в сердце. Но тут же он приободрился и, с трудом подавив глубокий вздох, сказал:

— И было бы, мама, о чем плакать. Главное — сами живы...

Мать притихла, оторопела, затем, как бы опомнившись, широко раскрытыми глазами осматрела сына с ног до головы, осторожно прикоснулась к его рукам и... ахнула, и запричитала не своим голосом:

— Ай, батюшки!... Ай, люди добрые!... Кормилец ты мой...

И все, видевшие это, поняли, что горе не только Погребным, горе всей деревне, всей округе, потерявшей своего гармониста. Нет, не услышит теперь эта улица звонких песен и переборки. Не заплачут, не запоют девушки под гармонь Ивана.

Прошло несколько дней. Чтобы хоть как-нибудь развеять, размыкать горе, Иван взялся носить почту.

Выйдя из дому, он останавливался на безлюдной дороге и жадно прислушивался к каждому звуку. Над полями, помолодевшими от весенней зелени, царил птичий ликование. Из голубого поднебесья сыпал и сыпал журчащие трели незримый жаворонок, в траве стрекотали кузнечики, пересвистывались суслики. И выходило, что самая пустынная невзрачная птичка своей незамысловатой музыкой славилась извечную радость жизни, а он, Иван, стоял и слушал, бессильный сыграть свое, любимое...

По утрам, выгоняя скотину в стадо, Феона Михайловна говорила соседкам, что видит она, как ее Иван совсем истосковался по гармошке. Ей казалось, что Иван из гостиницы приехал более свежим, чем сейчас, был веселее, разговорчивее. Встает он раньше всех, долго ходит по избе, тяжело вздыхает и спешит из дому. Не раз мать тайком следила за ним, все хотела узнать, куда он так рано уходит. И всегда убеждалась, что у сына одна дорога — в Ольшанку, на почту.

А нынче Иван послал в Ольшанку младшую сестру Полно, сам же отправился к пахарям на паровое поле. По дороге он встре-

тил председателя артели Алексея Кондакова, они перебросились парой слов и Иван зашагал дальше. И многие видели в этот день, как он подошел к плугу замешкавшегося соседа-подростка, взял у него возжи, накиннул их себе на плечо, а левой рукой схватился за плуг.

— Эй, милые! — весело крикнул он. Плуг с треском разрывал корни пырея, отваливал землю лоснящимися на солнце пластами. Борозды ложились ровно, точно каждую из них отбивали шнуром.

...Сам того не замечая, Иван стал левшой.левой рукой брал ложку, левой брился, умывался, причёсывал мягкие, цвета льна волосы, задорным чубом спадавшие на лоб из-под военной с красным околышем фуражки. Одной рукой он научился запрягать и распрягать лошадь, ладить повозку и плуг, рубить дрова, даже отбивать косу... Одного еще не осилил — писать левой. Правда, расписываться научился и в ведомости у кладовщика всегда выводил лихую подпись. А вот писать много, высчитывать на бумаге, — на это не хватало терпения. Но когда в правлении колхоза зашла речь о посылке толкового человека на курсы учетчиков при Ольшанской МТС, вызвался никто другой, а Иван.

— А справишься левой-то? — спросили в правлении.

— Потом увидим, — кивнул молодой Иван.

И сейчас он учетчик колхоза имени Степана Разина.

...Иван сидит в конторе. К нему то и дело заходят люди, и когда он беседует с ними о трудовых, о земле, урожае, скотине, в его голосе, выражении лица, во всей фигуре чувствуется твердая уверенность в своей силе. И все гордится этим человеком, который, несмотря на увечье, осилил крестьянские работы, стал учетчиком.

Вечером у артельной конторы собираются парни и девушки. Кто-то тоненьким нежным голосом выводит песню о том, как во поле березинька стояла. И, слушая эту песню, Иван представляет себе ширь родного поля, по взгорью перепоясанного ровной, теряющейся за горизонтом дорогой. За дальним перелеском песню повторяет эхо, но как-то тише и заунывнее. И не успевает замереть этот далекий отзвук, как издали слышится гармонь. Это играет маленький Илюша. Иван, услыша музыку, будто внезапно разбуженный, встряхивает головой и выходит из конторы.

— Сыграем, Илюша, по старой привычке, — бодро говорит брату Иван, берет у него двухрядку и перекидывает ремень через плечо. Затем он садится на лавочке под ветвистой вербой. К нему справа подсаживается Илюша и, точно застыдившись, пытается спрятать за плечом Ивана свое лицо, так хорошо освещенное луной.

Они играют вдвоем: Илюша на голосах, а Иван лавирует басами. И несется над затихшей деревней, над заснеженными полями грустновато тихая песня «Раскинулось море широко». И под звуки этой песни Иван вспоминает Крым, Севастополь, Черное море, жаркие схватки за каждый вершок родной земли.

А волны бегут и бегут за кормой,

Бегут и вдали исчезают...

И вдруг этот грустный напев сменяется на бодрый, плясовой. Девушки, притопывая под гармонь, закуружились хороводом, и одна из них рассыпала задорные частушки:

Пусть же ярче светит солнце

Пусть цветут сады, поля,
Чтоб была еще прекрасней
Наша славная земля...

А над этой по-мирному веселящейся улицей, над полями и садами, о которых бойко рассказывает песня, плывет серп молодого месяца.

Ф. ПЕВНЕВ.
Деревня Сухая Ольшанка,
Чернянского района

В колхозе «Ленинский путь» Львовского района учитывают урожай отдельно по каждому звену. На снимке: обмолот пшеницы с участка ефремовского звена Александры Воратынцевой.

Вручение медалей „За доблестный труд“

Недавно группе передовиков сельского хозяйства Грайворонского района были вручены медали „За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—45 г.г.“

Медалью награждена 60-летняя Мария Прокофьевна Евсюкова, мать четырех фронтовиков. В нынешнем году ее звено вырастило на каждом гектаре по 15,3 цент. ржи, по 15 цент. пшеницы и по 300 цент. сахарной свеклы. Награда вручена и звеньевой Устинье Афанасьевне Горбуновой, собравшей с каждого гектара по 25 цент. озимой и 17,7 цент. яровой пшеницы и 300 центнеров сахарной свеклы.

Награждена Татьяна Ивановна Кравченко — жена погибшего Героя Советского Союза, бригадир полеводческой бригады колхоза „Коминтерн“. Из отставшей ее бригады стала передовой по всем видам сельскохозяйственных работ.

Одним из первых в районе выполнил план государственных поставок колхоз „Ударник“. Боль-

шая роль в этом принадлежит транспортной бригаде, которую возглавлял комсомолец Ваня Дворниченко. Он со своими товарищами вывез государству 686 центнеров зерна.

Медалью награжден 60-летний колхозник Иван Ефимович Пискун из артели им. Сталина, Глоковского сельсовета. Получил медаль председатель колхоза им. Калинина, инвалид Отечественной войны тов. Череватенко. Как в прошлом, так и в этом году сельхозартель первой в районе выполнила план хлебопоставок. В числе награжденных работники МТС: машинист молотилки МК-1100 тов. Скрипкин, намолотивший 4500 центнеров зерна, бригадир тракторного отряда Дорогожанской МТС А. Павлова, тов. Штанько, директор Ивано-Лисичанской МТС, выполнившей годовой план тракторных работ на 125 процентов.

Медаль вручена агроному — сеноводу райзо Елене Мироновне Агарковой и старшему ветврачу райзо Дмитрию Петровичу Грицаенко. К. ДОНСКАЯ

Три близнеца

Колхозница сельскохозяйственной артели «За власть советов» Кисло-Дубовского сельсовета, Боброво-Дворского района, Н. М. Семенова недавно родила трех детей-близнецов — двух девочек и мальчика.

К Семеновой специально прикреплена опытная акушерка для ухода за детьми. Исполком райсовета выделил роженице продукты для дополнительного питания.

Научная конференция

На днях Курский институт эпидемиологии и микробиологии совместно с кафедрой микробиологии медицинского института созвал очередную научную конференцию, посвященную разработке практических мер борьбы с сибирской язвой и дифтерией.

Доклады сделали доктор Г. Д. Кравченко — о сибирской язве и доктор Е. И. Слесневцева — о дифтерии.

КУЗЬКИНА МАТЬ

МАЛЕНЬКИЙ
ФЕЛЬЕТОН

Ох, держите меня, товарищи, — я опять о гостинице написал!

Уж до чего же это старая, бородатая тема! И кто только не писал фельетонов о плохих гостиницах: Дорошевич писал, Аверченко писал, Рыклин писал, братья Тур писали, Ильф и Петров писали. Не помню, писали на эту тему Кирилл и Мефодий, Брокгауз и Эфрон, Шапошников и Вальцев. Кажется, писал! А если и нет, то, переночевав сутки-две в белгородской гостинице, обязательно бы написал!

Помещение гостиницы в Белгороде хорошее, но жить там плохо. Матрацы слежались, полы неделями не моются, белье меняется, как говорится, раз в год по обещанию. По ночам тусклое электричество подмигивает вам желтоватым глазом колдуна и будто так ехидно спрашивает: «Живете? Ну-ну, вот вам еще покажут здесь кузькину мать!».

Означенная кузькина мать является утром в образе директора гостиницы Елены Васильевны Шевченко или, как ее почитительно называют постояльцы — «хозяйка», а наиболее лживые, мечтающие о втором одежде, величают из чувства законного подхалимажа даже «хозяйшкой».

Не думайте, что в лице Елены

Васильевны вы встретите какое-нибудь подобие пленительной «хозяйки гостиницы» из бессмертной комедии Гольдони. Елена Васильевна не такова. Елена Васильевна похожа скорее на молодую укротительницу леопардов и каждого постояльца считает своим кровным врагом, нахально вторгшимся в Белгород, чтобы нарушить ее покой.

— Воды вам? — грозно рычит она на тифедушного командировочного из породы агентов по снабжению мелом, занесенного судьбой и приказом начальства в Белгород. — Обойдетесь и без воды. Ишь ты, война еще недавно кончилась, а он воды захотел!

— Нам бы кипяточку, хозяйшк! — мягко и ласково подлизывается командировочный.

Но хозяйка гостиницы воспринимает эту просьбу, как насмешку и личное оскорбление:

— Кипяточек есть на станции. Что-о-о? И ночевать можете там, плакать не буду!

— Пора бы мне постель сменить, хозяйка! — решительно, по военному «рубит» какой-то лейтенант.

— Поспите и так, — отвечает хозяйка. — У нас и не такие птицы почуют, не жалуются!

А куда, действительно, пожа-

Бандиты расстреляны

Поздним вечером 30 августа жители Курска Е. Ковалева и Н. Хордикова возвращались домой. Когда они поравнялись с Пролетарским сквером, их остановили двое неизвестных. Почувствовав недоброе, Хордикова бросилась бежать. Ковалева же попыталась верхней одеждой и золотым перстнем.

Спустя два дня, в ночь на 2-е сентября, была совершена крупная кража из квартиры гр. Шеховцова. Воры, взломав окно, унесли с собой на 30 тысяч рублей разных вещей.

В ночь на 15 сентября было совершено ограбление склада Курского Горвоенкомата. Сорвав замки и печать, преступники похитили со склада восемь пистолетов.

Вечером 17 сентября несколько грабителей обманым путем проникли в квартиру гр. Штанопрудова. Один из грабителей, направив нагана на Штанопрудова, командовал: «Руки вверх. Стоять смирно». Штанопрудов закричал. Его крик услышал проходивший в это время по улице офицер Красной Армии капитан Юровский. Он бросился на помощь, но в момент, когда Юровский пытался задержать одного из преступников, раздался выстрел. Тяжело раненый на вылет в грудь Юровский упал, обливаясь кровью. Грабители скрылись.

Органам милиции удалось установить, что все эти четыре преступления были делом рук одной банды, сколоченной по инициативе И. Фрейдина и Е. Просянина — жителей Курска без определенных занятий. В качестве помощников они привлекли в банду В. Букина, А. Локтионова, И. Никулина и В. Ночевкина.

Все они также жители Курска и также, как Фрейдин и Просянин, нигде не работали. Следствием установлено, что стрелял в капитана Юровского Фрейдин. Все участники банды сознались.

Недавно судебная коллегия по уголовным делам Курского областного суда под председательством тов. Мальцева разобрала это дело. Организаторы банды И. Фрейдин и Е. Просянин приговорены к расстрелу. В. Букин и А. Локтионов приговорены каждый к 10 годам лишения свободы в исправтрудлагерях. В. Ночевкин и Никулин — к 7 годам лишения свободы каждый.

луешься, если порядки в гостинице отлично известны гостеву.

Хороший дом и большие возможности у Белгородской гостиницы! Однако везде тут чувствуется отсутствие хозяйского глаза, лежит печать какой-то казенной тупой безответственности. Чего стоило бы, например, приспособить на безобразно голые лампочки обычные бумажные абажурчики, взбивать матрацы, своевременно доставлять воду и топить печи, благо у гостиницы есть топливо? Неужели все это так сложно?

Беда в том, что у нас часто, прикрываясь «последствиями войны», не делают вовсе или делают кое-как даже то, что при советском, хозяйственном и неспокойном отношении легко достичь без особого труда и капитальных затрат!

Но вот на пути появляется какая-нибудь кузькина мать или кузькин отец — и все идет кувырком, прахом, шиворот-навыворот.

...Но я, кажется, все же опять написал о гостинице! Держите меня, граждане, не могу: уж больно тема-то животрепещущая и, несмотря на бороду, злободневная!

В. ДЕРЕВЕНСКИЙ.